

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 5 (4130)

Вторник, 12 января 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Будить благородные, светлые чувства!

ПЕРВЫЕ дни нового, 1960 года... Только что в праздничных номерах газет, в статьях и очерках подводились итоги минувшего года, с гордостью и радостью вспоминали советские люди крупнейшие события последних лет. Их было много! И каждый этап, знаменующий новый подъем экономики, материального благосостояния, культуры, успехи в борьбе за мир, еще и еще раз говорил нам: достичь этого партия смогла потому, что во всех своих делах была связана с жизнью, с творчеством народа.

чувства!

являющиеся основным недостатком, получившим под влиянием культа личности широкое распространение. Но глубокий анализ состояния устной и печатной пропаганды обнаружил, что вместе с заметными и значительными достижениями она страдает до сих пор большими недостатками. Главным из них остается все еще непреодоленный до конца отрыв от жизни, от практики строительства коммунизма.

Вспомним, с какой решительностью и державной силой проведена была перестройка управления промышленностью, как только старая система ослабла связь с жизнью. По требованию жизни пришла в колхозную деревню то новое, что чудесным образом преобразило труд и быт сельского труженика. А перестройка средней и высшей школы, направленная на тесную связь с жизнью!

Стоит обратиться к окружающей действительности, чтобы увидеть немало примеров вот такой, лишенной конкретности и целеустремленности пропаганды, увидеть, как порой боевая наступательная пропаганда подменяется просветительской жвачкой. Взять хотя бы состояние агитационной работы. Кабалось бы, давно пора уразуметь, что абстрактные, штампованные лекции никого еще не оторвали от религии. А вот в селе Кальнин, в Закарпатье, школьники и учителя повели практическую борьбу против религиозного дурмана, показали одноклассникам, как рождаются те или иные «святые чудеса», регулярно стали проводить диспуты, вечера на агитационские темы и добились того, что церковь начала гнаться.

Ученому и пропагандисту, инженеру и учителю, писателю и художнику партия неустанно повторяет: только связь с жизнью, с творчеством народа делает ваш труд нужным, наполняет его бесценным содержанием. Без этого бесплодны любые усилия, бескрылы любые помыслы.

В постановлении ЦК КПСС подчеркнута необходимость вести пропаганду среди женщин, решительно и беспощадно бороться с проявлениями феодально-буржуазного отношения к женщине. Проводили ли такую работу наша печать, наши лекторы? Да, конечно. Но чаще всего, рассказывая о неоспоримых и истинных грандиозных успехах, достигнутых в этой области за годы Советской власти, забывали порой о наличии достаточно еще тяжелых проявлений феодально-буржуазного отношения к женщине. Не так уж малоценны случаи выдачи замуж несовершеннолетних девочек в Узбекистане или Азербайджане, случаи многоженства, отрыва женщины от общественной полезной деятельности и т. д. Против этого тягостного наследия прошлого горючо восстает в своей поэме «Горянка» поэт Расул Гамзатов. И вовсе не случайны горько-иронические строфы ее:

Сюда, где сурова природа,
Скуча подирирует скрала,
Ко многим горянка свобода
В докладах пока что пришла.

Требованиям времени, необходимостью самым теснейшим образом связать партийную пропаганду с жизнью масс партизанское постановление Центрального Комитета КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

В нашей стране созданы самые благоприятные условия для успешного проведения идеологической работы.

«Исторические постановления XX и XXI съездов партии, Пленумов ЦК КПСС», — говорится в постановлении, — определили программу развития нашей страны по пути к коммунизму. Опирались на великое ленинское наследие, партия разрабатывала и претворяет в жизнь важнейшие мероприятия в экономической, политической, идеологической областях и в области международных отношений, добилась выдающихся побед на всех участках коммунистического строительства».

Именно против подобных парадных докладов и лекций, против пропаганды, оторванной от окружающей действительности, направлено постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

Одной из самых значительных побед является обогащение марксизма-ленинизма новыми идеями. В сокращенный этот великого учения внесены весторонние и глубоко разработанные вопросы о закономерностях перестройки социализма в коммунизм, создания материально-технической базы коммунистического общества, развития социалистической демократии, закономерности развития мировой системы социализма, о мирном сосуществовании государств с различным общественным устройством. По-новому поставила партия проблемы мира и войны в современных условиях.

Трудно оценить историческое значение этого документа, дающего партийным организациям, каждому пропагандисту сильное оружие в борьбе за действительную, наступательную пропаганду, связанную с жизнью, с творчеством народа, с практикой строительства коммунизма.

Это, во-первых, потому, что существует прямая зависимость между уровнем сознательности трудящихся и теми огромными задачами, которые стоят перед народом в осуществлении программы коммунистического строительства.

Партия призывает нашу интеллигенцию отдать идейному воспитанию советских людей свои силы и знания. В профсоюзам и комсомолу, ко всем массовым организациям и творческим союзам обращает партия призыв — охватить своим влиянием всех строителей коммунистического общества, доходить до каждого советского человека, будить в нем благородные, светлые мысли и чувства.

Это, во-вторых, продиктовано тем, что убеждение и воспитание масс приобретает все более и более важное значение по мере дальнейшего развития социалистической демократии и постепенного перестройки социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление.

В-третьих, партия ставит одной из главных практических задач формирование нового человека с коммунистическими чертами характера.

В-четвертых, постановление подчеркивает, что мирное сосуществование государств не должно ослаблять идеологическую борьбу. Наша партия веда и будет вести непримиримую борьбу за коммунистическую идеологию — самую прогрессивную и подлинно научную идеологию современности.

Новый человек с коммунистическими чертами, избавленный от пережитков капитализма в сознании, человек, строящий коммунистическое общественное самоуправление! Формирование такого человека идет все годы социалистического строительства, а ныне великая цель стала столь близкой, что мы читаем в постановлении об этом как об одной из главных практических задач нашего времени.

Да так оно и есть. Бригады коммунистического труда, в которых рождаются высокие морально-этические требования к каждому рабочему, — это и есть практическая борьба за нового человека.

Народные дружины, охватывающие людей различных профессий и возрастов, — это и есть практическая борьба за коммунистическое общественное самоуправление.

Успехи в нашей экономике и культуре неотделимы от успехов коммунистической идеологии и определяются ею. За последние годы серьезно перестроена и партийная пропаганда, преодолеваются элементы догматизма и начетничества,

Собрание зашумело: как, мол, сдать дела, когда мы Фак выбрали и освободить его не собираемся?

Колхозник Федор Михайлович Горбатов выразил общую мысль так: «Из районов, областей и даже из Москвы с руководящей работы в колхозы по-

смают людей, знающих колхозное производство, а в нашем районе получается наоборот. Увидел, что колхоз поднимается, Фак — работник хороший, и у нас его забрали. Это, я считаю, неправильно, и с этим мы не согласны».

Тут же было решено послать трех человек в Москву. Наутро всем колхозом вышли провожать «ходков» — Ивана Захаровича Жидкова, Ивана Васильевича Калинин, Алексея Степановича Козина. Интересно, что двое из них — бывшие колхозные председатели. Вскоре стало известно, что «ходков» приняла в ЦК КПСС, расписав подробно, обещали разобраться.

В день открытия Пленума колхозники послали в президиум телеграмму. Все о том же.

«Всем миром писали, — сообщает мне секретарь парткома колхоза Яков Антонович Семенов, — хорошо получилось!».

Чем все это кончилось, сегодня знает каждый.

Море в Москве...

В Москву, в самый центр города, пришло море. Правда, места отдели ему немного — всего пять небольших залов в одном из зданий на Сретенке. Но оно сумело разместиться и там. На дворе табличка — Выставка «Морской флот СССР». А за дверью море смотрит на нас с картин, фотографий, диаграмм, макетов...

Широко раскинулась морская бухта. Привлекливо мигает вдали маяк. На него дергает курс прославленный ледокол «Федор Литке». Вы знаете — в нашем флоте уже нет этого корабля, и бухта — всего лишь искусно сделанный макет, но каждому из нас на секунду покажется, что в лицо захлонуло свежий морской ветер.

Слышно — звучат в эфире сигналы бедствия. Их принимают корабли, точно засекли координаты попавшего в беду товарища. Скорее, скорее на помощь!

Но беда никакой не случилось, просто на выставке идет демонстрация нового автоматического передатчика сигналов бедствия. О многом напоминают они — о штормах и ураганах, тайфунах и айсбергах, туманах и подводных извержениях — о всех грозных опасностях, встающих на пути моряков — людей отважной и героической профессии.

Модели атомного ледокола «Ленин» и макеты новых кораблей, карты тщательно изученных морей и планы новых исследований — это все на выставке.

Новые фильмы, увлекательные лекции и рассказы ждут посетителей. Момент бытия, услышать капитана дальнего плавания Кунцева, приславшего на выставку чудесные ангарели, или заставить разговаривать директора выставки Александра Павловича Бочена, одного из первых капитанов, освоивших Северный морской путь...

Для романтиков, мечтателей и просто любознательных 12 января распахнет свои двери эта выставка.

В. ЧЕРНИКОВА

«Вблизи Толстого»

Книга, которую выпустило в свет Издательство художественной литературы, не переиздавалась почти сорок лет. А между тем это необычная и удивительно интересная книга. Автор ее А. Б. Гольденвейзер, известный музыкант, композитор, профессор Московской консерватории, посчастливилось, часто гостить в Ясной Поляне и московском доме Толстых.

На страницах дневника Гольденвейзера «Вблизи Толстого» читатель найдет суждения Льва Николаевича по острым вопросам общественно-политическим вопросам, его высказывания, посвященные литературным, эстетическим, философским проблемам, меткие характеристики посетителей Яснополянского дома, черты быта толстовской усадьбы.

Рассказ А. Б. Гольденвейзера о том, как работал над своими произведениями Толстой, — еще одна замечательная особенность книги, раскрывающей живой образ гениального русского писателя.

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ УЧИТЕЛЯ

ДУМЫ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

Александр МУЗЫЧЕНКО,
заслуженный учитель школы РСФСР

ЗИМНИМ вечером, когда пугает мастерской, учительской или пионерской комнате. В этот час, когда уже отхлынули все заботы, хорошо думать. Я думаю о своих товарищах, о труде сельского учителя. Мне вспоминается Александра Семеновна Ковалева, и не только как прекрасной преподавательницы математики и вместе с тем терпеливой воспитательницы класса, но и как замечательной лектор, чьи выступления на темы любви, брака, семейного воспитания привлекают сотни колхозников.

И Валентина Васильевна Бессмертная выдвигает и на уроке с малышами, и на сборах пионерской дружины, и в колхозном клубе, где она с увлечением руководит сельской художественной самодеятельностью.

Сам я, будучи директором школы, возглавляю сельскую группу членов Общества по распространению политических и научных знаний, избран депутатом сельского Совета и членом пленума райкома партии, а до этого долгие годы работал председателем ревизионной комиссии колхоза, секретарем колхозной парторганизации.

А как же иначе! Наша школа — сельская. Наша жизнь неразрывно связана с жизнью колхоза, у нас общие интересы. При всем том мы, учителя, занимаем в сельской жизни особое место.

Мы — сила огромная, способная, как называется, горы свернуть! Но когда задумаешься о том, как используется, как направляется эта сила, как ее, если так можно выразиться, коэффициент полезного действия на культурном фронте, то, по совести говоря, чувствуешь некоторое неудовлетворение, а подчас и досаду. Слов нет, мы многое делаем, но отдача могла бы и должна быть больше, гораздо больше.

В чем же дело? Многие, разумеется, зависят от нас самих. Даже в нашем маленьком колхозе найдутся одна-два человека, которые считают культурно-просветительную работу среди населения досадной и обременительной нагрузкой. Но большинство все же с радостью готовы служить народу, работать в самой гуще колхозников, но... Дальше следует очень серьезное «но».

Некоторые молодые люди с дипломами высшей школы не умеют ни доклад написать, ни лекцию подготовить, как огня, боятся публичных выступлений,

особенно «без бумажки». А многие ли специальности, приезжающие на село, способны руководить хором или струнным оркестром, помочь колхозникам выпустить стенгазету, украсить клуб, оформить праздничную демонстрацию? А как зачастую проходит в сельских школах уроки, связанные с эстетическим воспитанием? Каков их эффект, если такие уроки ведет преподаватель-совместитель, который не имеет представления о нотной грамоте, не держал в руках балла, не прикасался к клавишному пианино, если он не видит разницы между Суриковым и Левитаном?

Вот иной раз и подучается заколдованный круг: школы не дают этих знаний и навыков своим питомцам, выпускники педагогических вузов не дают их новым поколениям школьников... А жизнь идет неудержимо вперед, запросы народа возрастают. Колхозник и сам хочет больше знать и хочет, чтобы его дети понимали и ценили прекрасное, он ждет, чтобы сельские интеллигенты несли ему не только знания в области агрономии и механизации, но и расширяли его кругозор, помогали ему культурно проводить досуг.

Вот почему вопрос о восторженной подготовке молодого специалиста как общественного деятеля, как человека, несущего культуру в массы, следует решать безотлагательно, решать широко, в государственном масштабе.

О учителях хотим и хотим вести общественную работу. Извест ли они для этого все необходимые условия, находят ли поддержку, достаточно ли четко организованы их общественно-полезная деятельность?

Взять хотя бы такой факт. В нашей сельской группе Общества по распространению политических и научных знаний одиннадцать активно работающих членов, девять из них — учителя. На повесте мы приняли решение: каждому учителю раз в месяц выступить с лекцией перед колхозниками. Казалось бы, чего лучше?

Но вот лекция подготовлена — глубокая, содержательная лекция, с которой не стыдно выйти к народу. Где ее прочесть? В колхозном клубе, скажете вы. Но клуб частично зимой не отапливается, народ в него не собирается. В

В ближайшее время в Москве откроется фотовыставка «Семилетка в действии». Мы публикуем представленные на выставку работы:

- Р. Азриель. «Сталеваары»,
- Г. Дубинский. «Курская магнитная аномалия»,
- М. Колобаев. «Строительство моста на реке Енисей».

Степан Фак принял дела

ЭТО случилось на второй день нового года. Неожиданно колхозник радостно передает музыку и объявляет: «Говорит радиоузел колхоза «Ленинское знамя». Товарищи колхозники, сейчас выступил наш председатель колхоза Степан Никитич Фак!»

Фак сказал всего несколько слов: завтра в четыре часа дня состоится расширенное заседание правления. Почему же в доме, где застала меня эта передача, все вскочило с мест, зааплодировало? Догадаться трудно: все читали речь Никиты Сергеевича Хрущева на декабрьском Пленуме ЦК КПСС и знают, какую активность проявили колхозники «Ленинского знамени», добиваясь, чтобы Фак, которого месяц назад избрали секретарем райкома, вернулся в колхоз и стал опять председателем. Никита Сергеевич поддержал просьбу колхозников, и пленум райкома — все уже знали об этом — освободил Фак от обязанностей секретаря, и он вновь возвращается в колхоз.

А началось все месяц назад. Первого декабря 1959 года в колхозном клубе было очень тесно. Собралось 436 человек. Все комплексные бригады прислали сюда своих уполномоченных.

Я видел протокол неведомого того собрания — томительную ученическую тетрадку в косую линейку, где четким, аккуратным почерком коротко записаны выступления.

Первым взял слово Фак. Прямо и откровенно сказал, что ему хотелось бы остаться в колхозе, но он должен подчиниться решению партийной конференции, и придется сдать дела.

Собрание зашумело: как, мол, сдать дела, когда мы Фак выбрали и освободить его не собираемся?

просто и прочно. Дом такой лет 70—100 процентов.

И сегодня в колхозе уже построены из кирпича гараж, жилой дом и другие помещения. В нынешнем году эти блоки широко пойдут в дело, — на строительство свинарников, ферм, здания для ремонтной мастерской, складских помещений.

На десятке километров раскинулась сегодня колхоз «Ленинское знамя». «Большое того Люксембург», — шутят колхозники. Одним населением пунктов более двадцати: тут и Домаха, и Воронино, и Любощь, и Журовино, и Упорозь. В колхозе 25 тракторов, 17 комбайнов, более двадцати автомашин. Урожай вырос, денежный доход колхоза немалый для Орловщины — семь с половиной миллионов рублей.

А сколько за это время построено: склады, свинарники, здание правления, медпункт — всего и не перечесть... Строится дом культуры со зрительным залом на шестьсот мест.

И все это — при Факе, все с ним! Добрав до него слова.

Теперь, конечно, о колхозе «Ленинское знамя» узнали многие. А известность обязывает.

Об этом, собственно, и шел разговор на расширенном заседании правления. Приказывали, как наладить дело, чтобы утроить производство мяса в 1960 году, повысить урожай зерновых, сахарной свеклы, конопли, кукурузы.

Вот, собственно, и все, что рассказал о себе Фак. Остальное я услышал уже от колхозников. Фак любит землю, хозяйство, любит и знает технику (недаром в армии этак занимался). Может сам любую машину разобрать, наладить. Он человек увлекательный, азартный, если случается какая неполадка, встанет, скажем, машина, поедет под нее в чьем-то, хоть в праздничном костюме. И в то же время там, где дело касается народного добра, очень одорожен, семь раз примерит, прежде чем отрежет. В страду часов с четырех утра и до поздней ночи он в поле. А вернется, — с улыбки рассказывает колхозники, — пылы на нем с вершок, один зубчик бусет... Себя не жалует, — упрекает его. Какой раз правление выносит решение послать его на курорт за счет колхоза, но он так до сих пор и не собрался...

О многом приходится думать председателю. Взять, например, строительство. Ведется оно в колхозе с размахом, нужна в материалах больше. Правда, в артелях есть свой кирпичный завод: люди уже не ездят на поклах за тридцать миль просить кирпича на разваливающуюся трубу. Но всякий кирпич не хватает, с лесом того хуже.

Но Фак нашел выход. Прочитал как-то в журнале (жена в библиотеке раздобыла) о кирпичных блоках. Вместе с колхозниками строителями Степан Никитич изгородил несколько штук таких блоков из отходов конопли. Остался доволен: дешево,

просто и прочно. Дом такой лет 70—100 процентов.

И сегодня в колхозе уже построены из кирпича гараж, жилой дом и другие помещения. В нынешнем году эти блоки широко пойдут в дело, — на строительство свинарников, ферм, здания для ремонтной мастерской, складских помещений.

На десятке километров раскинулась сегодня колхоз «Ленинское знамя». «Большое того Люксембург», — шутят колхозники. Одним населением пунктов более двадцати: тут и Домаха, и Воронино, и Любощь, и Журовино, и Упорозь. В колхозе 25 тракторов, 17 комбайнов, более двадцати автомашин. Урожай вырос, денежный доход колхоза немалый для Орловщины — семь с половиной миллионов рублей.

А сколько за это время построено: склады, свинарники, здание правления, медпункт — всего и не перечесть... Строится дом культуры со зрительным залом на шестьсот мест.

И сегодня в колхозе уже построены из кирпича гараж, жилой дом и другие помещения. В нынешнем году эти блоки широко пойдут в дело, — на строительство свинарников, ферм, здания для ремонтной мастерской, складских помещений.

На десятке километров раскинулась сегодня колхоз «Ленинское знамя». «Большое того Люксембург», — шутят колхозники. Одним населением пунктов более двадцати: тут и Домаха, и Воронино, и Любощь, и Журовино, и Упорозь. В колхозе 25 тракторов, 17 комбайнов, более двадцати автомашин. Урожай вырос, денежный доход колхоза немалый для Орловщины — семь с половиной миллионов рублей.

А сколько за это время построено: склады, свинарники, здание правления, медпункт — всего и не перечесть... Строится дом культуры со зрительным залом на шестьсот мест.

И все это — при Факе, все с ним! Добрав до него слова.

Теперь, конечно, о колхозе «Ленинское знамя» узнали многие. А известность обязывает.

Об этом, собственно, и шел разговор на расширенном заседании правления. Приказывали, как наладить дело, чтобы утроить производство мяса в 1960 году, повысить урожай зерновых, сахарной свеклы, конопли, кукурузы.

Вот, собственно, и все, что рассказал о себе Фак. Остальное я услышал уже от колхозников. Фак любит землю, хозяйство, любит и знает технику (недаром в армии этак занимался). Может сам любую машину разобрать, наладить. Он человек увлекательный, азартный, если случается какая неполадка, встанет, скажем, машина, поедет под нее в чьем-то, хоть в праздничном костюме. И в то же время там, где дело касается народного добра, очень одорожен, семь раз примерит, прежде чем отрежет. В страду часов с четырех утра и до поздней ночи он в поле. А вернется, — с улыбки рассказывает колхозники, — пылы на нем с вершок, один зубчик бусет... Себя не жалует, — упрекает его. Какой раз правление выносит решение послать его на курорт за счет колхоза, но он так до сих пор и не собрался...

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕКАДА» НА ЗАВОДЕ

Новосибирское отделение Союза писателей РСФСР организовало в клубе завода жилых станков и гидропрессов имени Еф. Римова литературную декаду. В гости к инженерам и рабочим пришли новосибирские поэты, прозаики, драматурги, критики. Рассказ секретаря правления Новосибирского отделения Союза писателей РСФСР С. Коваленко о том, над чем работают новосибирские литераторы, был выслушан с большим интересом. Поэты прочитали новые произведения.

Во время декады в библиотеках заводского поселка состоялся читательские конференции по книгам новосибирских писателей, в чехах — выступления писателей,

А как быть с Маяковским?

«При слове «новую» у Анны Александровны затуманились глаза, и все, что ни было в комнате, так и пошло перед ним пугаться... «Нак не новую», сказал он, все еще как будто находившись во сне... «Да, новую», сказал с авторитарным спокойствием Петрович Гоголь, «Шинель».

МНЕ попался в руки номер газеты «Труд» за 9 декабря прошлого года со статьей «О хорошем и плохом». В ней художник А. Герасимов совершенно выскочил по поводу дискуссии о современном стиле изобразительного искусства. Вряд ли решился бы на дилетантское вмешательство в споры художников, если бы маститый живописец, защищая свое, прямо скажем, несколько упрощенное понимание новаторства, не попытался слишком категорически распространить его и на литературу. Дело, оказывается, обстоит вот как: «Большинство современных русских советских писателей», — пишет А. Герасимов, — до сих пор ходит в «шинель» Гоголя да Пушкина, в том числе и Шолохов и Твардовский. И ничего, не жмет, и читатели не обижаются. Шинель — своя, русская, а не чужая, вот в чем гора!»

«Гораздо» не сказал прямо, считает ли он, что новаторские поиски Маяковского несут на себе яркий национальный русский отпечаток в такой же мере, как и творения Шолохова. Он не упоминает о том, что новаторство Маяковского обогатило поэзию почти всех стран и что все это признавали и признают — француз Арагон, турок Н. Хикмет, армянин Е. Чаренц, поляк В. Бронский и многие другие.

И напрасно А. Герасимов изображает Шолохова и Твардовского, в отличие от Маяковского, затканными протасками в старую шинель. Они настоящие новаторы! А. Герасимов пишет: «Гораздо, что «старый» стиль тесен художественной молодежи и потому она является застрельщиком создания нового стиля. Но в таком случае надо показать образцы этого новаторства. Где они? Нет их. А если и есть, то все это не ново, все это уже было когда-то».

Чем-то давно знакомым повеяло на меня от этих строк. А, вспомнил! Диккенс: «Они были убеждены, что умершие художники были великими и, что чем больше современники подражают им, тем более через это подражание они приобретают возможность, хотя, конечно, и не в такой степени, сделаться знаменитыми».

Нет, если уж говорить о традициях, то русское искусство знает совсем иную традицию отношения к поискам молодежи, чем та, которую утверждает А. Герасимов. Релин полюбил и оценил Маяковского. «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» — чудесно сказал Пушкин. Жуковский писал Вяземскому о шестнадцатилетнем Пушкине: «Нам всем надо соединиться, чтобы помочь вырости этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. Ему надобно непременно учиться и учиться не так, как мы учились!»

Вот как писали классики, друзья и современники автора «Шинели». Так думал и Гоголь. Эту русскую традицию, традицию новаторства, мы бережно сохраняем, отстоям и принесем в коммунизм.

Николай АСБЕВ

Другое дело — содержание. За него мы должны бороться со страстью подлинных новаторов-коммунистов».

Итак, форма — это нечто исконное, неизменяемое; меняется лишь содержание. Когда-то Достоевский сказал: все мы вышли из «Шинели» Гоголя («вышли», а не «ходим»). Сегодня советский художник пытается уверить нас, что Василий Теркин прошел пол-Европы все в той же гоголевской шинели.

«А между прочим», — продолжает автор статьи, — искали «нового стиля» почему-то упорно обходят вопрос содержания, идеологии искусства, не делают прогноза, что им эта идеология косточерла!»

«Между прочим» А. Герасимов всех, кто ему не нравится, причисляет к противникам советского искусства. «Между прочим» поиски нового стиля он приравнивает к отказу от коммунистической идеологии. Нечего сказать, хорош полемический прием!

А как быть, скажем, с Маяковским? Ах, какой он неудобный, этот Маяковский! Как будто бы классик, но попросту обрядить его в гоголевскую шинель! Ну что ты поделаешь, не идет Маяковскому «хрестоматийный глянec». Не хочет он быть «прилизанным», хочет быть спорным, сильным, живым. А. Герасимов испытывает прямо-таки муки слуха, когда пишет о Маяковском: «Маяковский был несомненно гениальный новатор, певец нашей эпохи».

И ЕЩЕ одна мысль волнует меня, когда я думаю о месте учителя и его роли в культурной жизни села. — Это его собственная политическая подготовка, его интеллектуальный уровень, широта его интересов. Ведь теперь каждый день-полон значительных, поистине исторических событий во внутренней и международной жизни, каждый день приносит нам изумительные, потрясающие мир открытия в науке и технике, каждый день рождает что-то новое в литературе и искусстве. Чтобы быть авторитетом для своего ученика, чтобы с чистой совестью подняться на трибуну лектора или даже просто воит агитатором в дом колхозника, — надо быть во всеоружии, надо быть на высоте.

Я своим молодым педагогам не устаю повторять: поймите разницу между крестьянским двадцатилетним, когда я начинал свою деятельность, и современным колхозником. Тот был тупым в большинстве своем неграмотным, его базисом являлся только учить. А теперь? Теперь колхозники слушают радио, смотрят телевизионные передачи, читают газеты и книги, он в массе

ДУМЫ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

глубоко убежден в том, что любой колхоз может при желании избавить учителей от мелких бытовых забот и тем самым высвободить их время, силы, знания на пользу самому же колхозу. В этом деле многое решает руководитель колхоза, но нельзя забыть и о учителях, о школах и учителях целиком и полностью зависела от характера председателя, от его расположения духа. Мне кажется, пришло время предусмотреть большую долю ответственности правлений колхозов за состояние сельских школ, за материально-бытовое положение учителей!

Иногда я думаю о месте учителя и его роли в культурной жизни села. — Это его собственная политическая подготовка, его интеллектуальный уровень, широта его интересов. Ведь теперь каждый день-полон значительных, поистине исторических событий во внутренней и международной жизни, каждый день приносит нам изумительные, потрясающие мир открытия в науке и технике, каждый день рождает что-то новое в литературе и искусстве. Чтобы быть авторитетом для своего ученика, чтобы с чистой совестью подняться на трибуну лектора или даже просто воит агитатором в дом колхозника, — надо быть во всеоружии, надо быть на высоте.

Я своим молодым педагогам не устаю повторять: поймите разницу между крестьянским двадцатилетним, когда я начинал свою деятельность, и современным колхозником. Тот был тупым в большинстве своем неграмотным, его базисом являлся только учить. А теперь? Теперь колхозники слушают радио, смотрят телевизионные передачи, читают газеты и книги, он в массе

Перед бездной. То был излюбленный метод эзоповой речи, примененный во всей революционно-демократической прессе; и в «Искре», и в «Отечественных записках». Вся ставка была на то, что одураченный цензор уловит лишь явное значение слова, а тайное, ускользнув от него, дойдет до наиболее смысленных читателей. Знаменательно, что юноша Чехов попытался воскресить созданную старыми демократами эзопову речь в самый черный период реакции восьмидесятых годов.

«З АПИСКА» не была случайным эпизодом в литературной деятельности Чехова. Еще раньше, в 1883 году, он при помощи таких иносказаний довел до читателей мысль о жестоком угнетении русской печати. В шутовском наброске «Гадальщик и гадальщица» он как бы изложил образный редактора русской газеты, который, глядя в кофеевную гущу, гадал о судьбе своего ребенка. Перед редактором возникало на миг самые разнообразные вещи, казались бы, не содержание в себе ничего цензурного: «Эти рукавицы...» — говорит он. — «Это на ежа похоже... А вот нос... Точно у моего Макара... Теленок вот... Ничего не разберу!»

Но внимательному читателю ясно, что, хотя в чеховском тексте «рукавицы» отделены от «ежа», их нужно воспринимать в едином образе: ежовые рукавицы. А из сочетания таких разрозненных слов как «Макар» и «теленок», создается представление о тех отдаленных местах, куда Макар телят не гонял.

Такова, по Чехову, роковая судьба редактора русской газеты: тяжелые административные кары и в конце концов ссылка в Сибирь.

Высказать открыто эту крамольную мысль в пору бешеной реакции восьмидесятых годов было, конечно, невозможно, и Чехов опять-таки прибег, как мы видели, к зашифрованной речи, дабы через голову ополчившей цензуры довести до читателей свой протест против правительственной расправы с печатью.

ПОДЛИННО СОВЕТСКИЙ...

Большое сердце народа

— Для меня этот закон — огромная личная радость, — сказал директор завода бывших колоний Николай Александрович Васильев.

В недавнем прошлом Николай Александрович — начальник детской трудовой колонии, и естественно, что вопросы, затронутые в законопроекте, волнуют его особенно глубоко.

— Не успел я как следует освоиться на заводе, — вспоминает Николай Александрович, — как опять довелось встретиться кое с кем из прежних воспитанников и с некоторыми ребятами из других колоний. Узнали они, что я здесь директором, и стали приходить проситься на работу.

Вот, например, Виктор Чернов. Парень толковый, смелый. Выл я нас в колонии председателем Совета бригадиров. А это роль ответственная! Ребята тогда собрались только что не сказать отпетые — без родителей, после войны. Попадались и с оружием. Но Чернова слушали и любили... В колонии он десятилетку кончил, получил специальность. А вышел — и полгода не мог найти работу. Попадают в отделе кадров документы... — нет,

проект нацеливает общественность — профилактика правонарушений. Уверен, что это принесет прекрасные плоды. Ведь в наших условиях любое преступление может быть предостережением, если окружающие всегда будут активно вмешиваться в то, что неладит, что происходит на их глазах.

Проект закона предлагает также привлечь широкие слои населения к раскрытию преступлений и розыску правонарушителей. В отдельных случаях, безусловно, редких случаях преступника задержать не удастся: либо он скрывается, либо личность его не установлена. И это не потому, что он все «тепально» предусмотрел и не оставил следов. Всегда есть люди, которым известны факты, его изобличающие. Но они не предполагают, что эти факты нужны следствию, так как ничего не знают об обстоятельствах преступления. Точно так же и люди, встречающиеся с преступником, не подозревают, что его разыскивает милиция.

Конечно, к оповещению граждан о нераскрытых преступлениях и разыскиваемых лицах надо подходить осторожно. Но уже есть примеры, бесспорно говорящие в пользу этого. Так, в одном городе было объявлено по радио приметы автомашины, сбившей женщину. Через несколько часов машина была найдена...

Обсуждаемый нами проект закона свидетельствует о большой политической зрелости советского общества, о высокой сознательности наших людей. Ничего даже отдаленно похожего нет и не может быть ни в одной буржуазной стране!

са, Венеры и т. д.). Появится новая наука, подобная нашей геологии, — селенология, которая будет изучать свойства пород, составляющих Луну. Сравнительный анализ пород, обнаруженных на разных планетах, много даст для понимания истории Земли и вообще солнечной системы и, следовательно, научит нас правильно предсказывать будущее развитие этих небесных тел.

Мы знаем одну-единственную форму жизни, возникшую в земных условиях и приспособленную к ним. Можно бесконечно спорить, существует ли жизнь на Марсе, на Венере или нет. Споры в науке полезны, но, я думаю, в наш век, весь изученный космос, этот спор будет разрешен опытным путем: после посещения планет сначала автоматическими приборами, а потом уже и человеком.

Жизнь зародилась из самых простейших форм. Если же она появилась в виде простейших органических соединений в условиях, отличных от Земли, в течение сотен миллионов или миллиардов лет приспособившись к этим условиям, то могли создаться совершенно другие формы жизни, непригодные для существования Земли, но отлично приспособленные к условиям Марса. Наоборот, очевидно, что всякий земной организм, попавший туда без специальных защитных приспособлений, не выживет. Однако нет никаких оснований утверждать, что зародившаяся в древнейшие времена в виде простейших форм жизнь на Марсе не достигла там более высоких форм. И (можно сделать такое предположение) если там есть существа мыслящие, они с полным основанием могут сказать, что вот в марсианских условиях жизнь возможна, а в условиях Земли, где давление воздуха во много раз выше, ее быть не может.

Изучение форм жизни, которые, возможно, создались на других планетах, вероятно, послужит поворотным пунктом во всех наших представлениях о самой природе жизни, о ее зародившихся после отмены неверного приговора вышедшим судом, в настоящее время задержан и при повторном рассмотрении дела приговорен к одному году лишения свободы. Народному суду Щучье-Озерского района тов. Микову указано на неправильность в данном случае — применение мягкой меры наказания.

Статья «Не сотвори себе кумира!» и материалы дела Гизатов обсуждались на семинаре народных судей.

В ОДНОЙ из сатирических статей ем, напечатанных в журнале «Осколки», юноша Чехов дерзнул написать, что царская полиция держит в тисках всю духовную жизнь страны. С обычным своим лаконизмом он выразил эту истину так: «Русская мысль у квартального». Квартальные назывались в те времена полицейские.

К этому Чехов прибавил, что в то-гдашней России нет никаких проблем света будущего, а есть шпидны да сибирская каторга.

Шпиднов нередко именовали тогда наблюдателями. Поэтому у Чехова сказано так: «жизни, зари и нови нет ни где, а наблюдатель и сибирь есть».

Спрашивается, почему же царская цензура без всяких препон разрешила Чехову напечатать в журнале такие крамольные строки?

Это произошло потому, что Чехов с большим искусством применил в своей журнальной статье один из хитроумных приемов так называемой эзоповой речи. Статья написана в середине восьмидесятых годов. Так как в ту пору в России издавались журналы «Новь», «Наблюдатель», «Русская мысль», а также газеты «Низнь», «Заря», «Сибирь», Чехов использовал эти названия для двух зашифрованных фраз, всецело полагающихся догадке читателя, который, расшифровав эти фразы, смекнет, что речь идет не о заглавиях, но подлинных, реальных вещах.

Чтобы окончательно сбить цензора с толку, Чехов изобразил дело так, будто эти фразы написаны полуграмотной женщиной, бубучицей провинциального клуба, составившей для начальства отчет о местонахождении газет и журналов, взятых из клубной читальни. Орфография ее записей такая:

«жизни, зари и нови нет ни где, а наблюдатель и сибирь есть».

В ее отчете упоминаются двадцать четыре названия. Каждое из них здесь объясняется безграмотностью глупой бубучицы, а читатель, если сам вычисляет смысл, что, например, журнал «Вала» в данном контексте совсем не журнал, а самая обыкновенная ваза, и газета «Иванли» — не газета, а подлинный, живой иванлид.

То же самое относится и к казенному церковному органу «Страники». Здесь

Я — за, но...

— Возможно, мое мнение будет несколько пристрастным. Дело в том, что несколько дней назад я вдруг стал... потерепев. Я — солида на нем Нина Косова, доярка колхоза «Коммунистический труд», Калужской области, депутат сельсовета.

В Москву Нина приехала погостить к родственникам. И однажды в темном переулке на нее напал грабитель. Девушка не испугалась. Напротив, она сама решила его задержать. Пытаясь освободиться, бандит глубоко поранил ей руку, но скрыться ему не удалось.

— Вы, верно, думаете, что я теперь за самые суровые наказания для всех преступников? Нет. Я считаю, что проект закона вполне справедливо предлагает отдавать на поруки коллективу тех людей, которые совершили незначительные преступления, и впервые.

По-моему, надо внимательно относиться и к молодежи, если они, поправ подурное влияние, совершают какой-либо проступок. У нас в колхозе, например, чуть кто «задрит», берется за него «всем миром». А в общем собрании пропесочат, частую сложат, в стеногазе так разнесут, что ему мимо клуба и ходить тошно. Здорово помогает!

Но тем, которые огудно обвиняют совершившие серьезные преступления, не должно быть никакой скидки!

Сейчас много спорят, надо ли свободно прописывать незваных уголовников в спальных городах. На мой взгляд, пусть они сначала поработают как следует где-нибудь в другом месте, покажут, какими они стали. Тогда и решать вопрос об их прописке.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА!»

Под таким заголовком 26 ноября 1959 г. была опубликована статья Л. Лубана, в которой, в частности, рассказывалось о необоснованно мягком приговоре суда Щучье-Озерского района, Пермской области, по которому был оставлен на свободе преступник, пытавшийся совершить убийство.

И. о. председателя Пермского областного суда тов. Понедельков сообщил редакции, что Гизатов (который в статье был назван Гизатуловым) сившийся после отмены неверного приговора вышедшим судом, в настоящее время задержан и при повторном рассмотрении дела приговорен к одному году лишения свободы. Народному суду Щучье-Озерского района тов. Микову указано на неправильность в данном случае — применение мягкой меры наказания.

Статья «Не сотвори себе кумира!» и материалы дела Гизатов обсуждались на семинаре народных судей.

В ОДНОЙ из сатирических статей ем, напечатанных в журнале «Осколки», юноша Чехов дерзнул написать, что царская полиция держит в тисках всю духовную жизнь страны. С обычным своим лаконизмом он выразил эту истину так: «Русская мысль у квартального». Квартальные назывались в те времена полицейские.

К этому Чехов прибавил, что в то-гдашней России нет никаких проблем света будущего, а есть шпидны да сибирская каторга.

КОСМИЧЕСКАЯ ЭРА В НАУКЕ НАЧАЛАСЬ...

ВЕЛИЧАЙШИЕ достижения науки, далеко оставляющие за собой все, чем гордились минувшие столетия, теперь столь быстро следуют друг за другом и столь стремительно воплощаются в практические дела, что мы, современники, невольно начинаем привыкать к ним. Притупляется ощущение необычности, и становится трудно оценить величие этих невиданных в истории подвигов.

Запуск советского спутника 4 октября 1957 года, положивший начало освоению космоса, буквально ошеломил мир. С тех пор прошло немногим более двух лет, но за это время мы стали свидетелями еще более удивительных событий. 2 января 1960 года отмечалась годовщина запуска первой советской космической ракеты. 12 сентября 1959 года советская ракета проложила первую космическую трассу на Луну.

Сейчас еще очень сложно объективно оценить все то большое и замечательное, что дали для изучения космоса эксперименты, проведенные за последние годы, — тем не менее, можно говорить о ряде открытий первостепенной важности.

Одно из самых интересных открытий — доказательство почти полного отсутствия магнитного поля у Луны. Это имеет большое научное и практическое значение.

Дело в том, что относительно природы земного магнитного поля до сих пор шли, да и сейчас идут споры. Многие ученые высказывали мысль о том, что наличие магнитного поля связано с ядром Земли, другие же говорили, что оно зависит от существования высокозарядженных частей, вращающихся вокруг Земли. Полеты космических ракет показали: у поверхности Луны и на расстоянии от нее есть нечто вроде ионосферы. Но магнитного поля там практически нет. Направившись в выходы магнитное поле Земли обязано своим существованием не ионосфере, а, вероятно, внутреннему строению нашей планеты. Видимо, внутреннее строение Луны иное, чем у Земли. Земля гораздо массивнее, имеет ядро высокой плотности. Массы Луны, по-видимому, недостаточно, чтобы внутри нее создалось ядро, подобное земному.

Второе обстоятельство, в высшей степени важное для нас, астрономов, заключается в том, что теперь, после запуска спутников и космических ракет, появилась возможность наблюдать поверхность планет непосредственно, с близкого расстояния при помощи приборов, созданных человеком. Блестяще закончившийся эксперимент с фотографированием «обратной» стороны Луны дал много нового науке.

Ученые неоднократно высказывали предположения о том, как выглядит «та» сторона Луны. Мне лично всегда казалось наиболее вероятным, что противоположная сторона Луны принципиально ничем не отличается от видимой. Оказалось, она все же отличается, хотя и не слишком сильно. По общему впечатлению, противоположная сторона Луны имеет горный характер, однако несколько иной, чем на «нашей» стороне. Есть полная уверенность, что дальнейшее изучение форм поверхности обратной стороны Луны обогатит науку новыми данными. Ведь всякое подробное изучение новых космических форм оказывает нашей науке неоценимую услугу: появляется возможность изучать материю, формировавшуюся в иных условиях, чем земные.

Мы вступили в новый год, и каждому человеку, естественно, хочется представить себе, как будет развиваться наука. Космическая эра в науке началась. В ближайшие годы ожидается интенсивное изучение космоса. Широкий фронт развернется исследование физических проблем, проблем геофизики, астрономии, биологии. Все они ждут своего разрешения уже с помощью совершенно новых средств. Я затрону лишь два вопроса — перспективы астрономической эры и биологические проблемы.

Перед астрономией открываются совершенно невиданные возможности. В течение многих тысячелетий существования астрономия была пассивной наукой, констатировавшей и объяснявшей лишь видимые с Земли особенности небесных тел и их движения. Человек мог только наблюдать небесные светила сперва невооруженным глазом, затем в телескоп после его изобретения и фиксировать на фотоэмульсии — после появления фотографии. И вот теперь, впервые в истории человечества, астрономы получили возможность не только наблюдать, но и экспериментировать.

Я люблю говорить, что астрономия 4 октября 1957 года превратилась из науки чисто наблюдательной в науку экспериментальную. Но техника и наука развиваются так быстро, что я уже

такая же двойная игра: бубучица разумает журнал, но читателю надлежит догадаться, что в статье фигурирует подлинный странник — так назывались тогда ханжи-богомольцы, слонявшиеся по монастырям и церквам. В отчете бубучицы сказано: «странник ежли не у купчихи Вихорниной, то значит в бубуе».

То есть либо пьянствует, либо распутничает.

Точно таким же манером Чехов использовал название юмористического журнала «Развлечение»: «развлечение у отца Никаандра в шкарфине, где вода».

И название ежесеместного журнала «Дело»: «у вице-губернатора дела нет, оно у его шкрятар».

И название журнала «Русский еврей»: «русский еврей связаный висит на веревочке...».

Таков был один из самых действенных методов эзоповой речи: в текст вводились такие слова, которые имели двойное значение: одно — явное, совершенно невинное, а другое — подслупное, тайное, заключавшее в себе нелегальничу.

Эзопова речь, как мы знаем, процветала главным образом в шестидесятых годах. Когда-то, изучая эту речь, я сделал попытку классифицировать те разнообразные формы ее применения, при помощи которых Некрасов, Щедрин, Чернышевский, Писарев, Слепцов, Якушкин умудрились в подцензурной печати доводить свои крамольные мысли до широких читательских масс (см. главу «Эзопова речь» в моей книге «Мастерство Некрасова», 1959).

Напомню всего лишь один, но очень выразительный случай. У Некрасова есть такая строка, обращенная к какому-то веному: Ты не дрогнул перед бездной.

Прочтя эту строку, цензор просто-душо поверил, что выражение «дрогнул перед бездной» есть просто фигуральный оборот; не заключающий в себе никакого осуждения царизму. Между тем тогдашние читатели могли без труда догадаться, что Некрасов имеет в виду село Бездня, Спасского уезда, Казанской губернии, где незадолго до того произошло зверское усмирение восставших крестьян. И что, значит, некрасовский стих должен читаться:

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

«ПОЭТ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Дискуссия о поэзии, начавшаяся на страницах нашей газеты, вызвала много читательских откликов. Некоторые из писем читателей мы публикуем сейчас.

ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОЭЗИИ МНОГО!

Уже выходит на пенсию поколение революции, утвердившее в 1917 году Советскую власть в России, а затем отстоявшее ее на фронтах гражданской войны. За сорок лет, а то и за пятьдесят поколений, которое строило Комсомолом и Магнитку. Уже по сорок лет ровесникам Октября и по тридцать ровесникам первой пятилетки. Поколение идет за поколениями, поэзия меняет поколение. И в первый раз всегда идут поэты. Мы привыкли видеть наших советских поэтов мужественными, целенаправленными, ведущими за собой читателя.

А любителей поэзии очень много; их не тысячи, не десятки и даже не сотни тысяч. С молниеносной быстротой расходятся в магазинах новые сборники стихов многих поэтов.

Но, что греха таить, часто любитель по-прежнему уходит из магазина огорченным. «Распродано... Было... Уже разошлось...» — отвечают продавцы.

Увеличение тиража книг — давно назревший вопрос. В этом Лев Ошанин прав. Это первое.

Во-вторых, не могу не согласиться с Львом Ошаниным относительно того, что много уже вышедших из печати поэтических сборников остается без рецензий.

По мнению А. Ошанина, поэт — новатор «там, где он говорит от имени поколения, там, где он говорит, по-настоящему, прокладывая в душу своего читателя и возвышая эту душу, помогая этой душе быть чище и богаче».

Прежние, справедливые слова! Еще только заявили о себе Андрей Вознесенский и Инна Лиснянская, Анатолий Поперечный в Эльзиро Котам, Виталий Коржиков и Римма Казакова. Но своими лучшими стихами они уже сумели завести душу читателя.

Г. КРАСХИН,
радиомонтажник завода «Полиграфмаш»,
МОСКВА

МЕНЯ УДИВИЛ ТОН НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ

В последнее время в связи с дискуссией «Поэт и современность» мне пришлось прочесть много статей. Тон некоторых статей, особенно Льва Ошанина, скажу прямо, меня порадовал. Ну как можно диктовать поэтам — пиши так-то рифмой, она апробирована столетиями, не мудруйся лукаво, не ищи...

Одни учат: пишите о ракете. Другое: о соловьях, родниках и прочее. Абсурд! Поэты, вместо того чтобы писать хорошие стихи, поучают друг друга и иной раз в совершенно неприемлемой манере. Кому это нужно? Стихи от этого лучше не станут, в особенности если их писать по рецептам Льва Ошанина...

А вот статьи В. Бокова мне понравились — это разговор о поэзии. Мне, читателю, тоже хочется сказать всем поэтам: пусть в ваших стихах будет больше свежего, больше нового. Ищите, экспериментируйте, ищите и новые ритмы, и новые рифмы. Но об одном помните — поэзия останется Поэзией.

А. ОСИПОВА
Ст. Ливаново, Московская область

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ О САМОМ ГЛАВНОМ

Итак, развертывается дискуссия на тему «Поэт и современность». Мы долго ждали большого и принципиального разговора. И вот он начал.

Но первые статьи, в частности Л. Ошанина и В. Бокова, вызвали разочарование. В статьях есть все: вопросы торговли книгами, рассуждения о том, что давно уже считается бесспорным, замечания частного порядка, споры о творчестве отдельных поэтов, но нет одного — настоящего чувства современности.

Давайте говорить о самом главном — об ответственности поэта перед народом, о чувстве ритма нашей эпохи, о поэзии нашей жизни, о месте поэта в ней.

Сам-то Чехов, как мы видим, не следовал этому трусливому правилу, о чем свидетельствует хотя бы вышперивденная сказка, ибо нужна была неузурпированная смелость, чтобы касаться таких рисованных тем в эпоху террора, наступившую тотчас же после 1 марта 1881 года, когда народолюбцы убили царя Александра II.

Этот Чехов применен тот прием зашифрованной речи, который в журналистике шестидесятых годов применялся особенно часто. Метко охарактеризовал этот прием Чернышевский в письме к одному литератору:

«Прямо говорить нельзя, — писал он, — будем говорить как бы о посторонних предметах» (выделено мной, — К. Ч.).

Так и поступил Чернышевский в своей знаменитой статье «Русский человек на галейной воле», где под прикрытием рассуждений о том, что современное ему поколение юношей не умеет влюбляться всем пылом души, он провёл в печать нелегальную тему об антинародной сущности оппозиционно настроенных либеральных дворян.

Иносказание Чехова оказалось раскрывшим цензор затейливый его сказку, очень хорошо уловил ее поэтапный смысл. В своем доносении начальству он писал, что в сказке «образован правительственный шпион в синем костюме, в присутствии которого автор советует держать язык за зубами и не болтать лишнего, чтобы не быть арестованным и не настрадаться до истощения сил».

В доносении цензора почему-то не сказано, к какому ведомству принадлежит этот шпион. Между тем в нелегальной печати синяя одежда с давних лет является постоянной приметой жандармов.

Вспомним у Шевченко: И часовых переменяли, Синемулярных часовых. И знаменитое дерматовенерологическое: И ты, мушкетер голубые, И ты, послушный им, народ. Впрочем, это мелкая деталь. В основном и главным цензор был прав совершенно, утверждая, что в сказке Чехова «наша внутренняя государственная

Ведь есть о чем рассказать нам и поделиться с нами вечно молодым и остро чувствующим время М. Светлову, Я. Смелякову и многим другим советским поэтам. Мы спорим о том, какой должна быть поэзия в наши дни, и порой недоумеваем, что это у нас есть. Я лично в виду поэзию В. Луговского. Давайте вспомним Д. Кедрина и Н. Заболоцкого, давайте поговорим об А. Твардовском, Н. Тихонове, М. Исаковском, давайте поговорим о тех, кто своей поэзией активно участвует в строительстве коммунизма.

Давайте говорить о главном. **В. ШПАЛИНСКИЙ,** литературовед

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ЗИМОСТОЙКИХ»

Меня удивила и в некоторой степени разочаровала концовка статьи «Мастерство и ремесло» нашего выдающегося поэта, моего земляка Н. Асеева, в которой, как я понял, А. Твардовский и М. Исаковский ставятся на голову выше других поэтов старшего поколения.

По-моему, Н. Асеев просто чего-то не договаривает. Ведь всем известны и такие «зимостойкие» его собратья по перу, как С. Маршак, Н. Тихонов, С. Циплячев и ныне покойный Владимир Луговской, автор мудрой «Середины века», не один, не два и не три, а много сезонов побуждающих заслуженным успехом и читателя.

К таким «зимостойким» относится, на мой взгляд, и сам Николай Асеев.

Р. ЕФИМОВ, агроном

Станция Дубенцовская, Ростовская обл.

МОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Проходившая в Ленинграде поэтическая дискуссия еще раз показала любовь и огромный интерес советского народа к поэзии. Но где читателю прочесть новые стихи, как познакомиться с новыми поэтами? Толстые журналы печатают стихи не так уж много. Другие журналы подбирают стихи чаще по тематическому принципу, а газеты обычно — в качестве иллюстрации к тем или иным событиям. Сборники же выходят небольшими тиражами, да и стихи в них включаются не самые новые.

Давно уже назрела необходимость выпустить периодическое издание типа «Роман-газеты», в котором печатались бы новые стихи, информация о выходе поэтических сборников, рецензии на них, статьи о поэтах. Эта «поэтическая газета» знакомила бы читателей с биографиями поэтов, ставила бы и обсуждала самые живучие проблемы поэзии.

В. УМЕЦКИЙ

О «ЗЕРНЕ» И «СОЛОМЕ»

Дорогие товарищи поэты, горько, обидно слушать и читать порой о том, что наш народ вроде не любит стихов, что томики стихов лежат мертвым грузом на полках книжных магазинов. Неправда все это. Нужно было видеть лица людей, простоявших с вечера и до утра, чтобы приобрести двухтомник С. Есенина. Не знаю, как в других городах, но в Саратове деду с отцом не найти стихов К. Симонова, А. Прокофьева, Н. Заболоцкого, С. Циплячева, Л. Мартынова и других хороших и разных поэтов. Скверно, что продажные книжки доверяют подчас равнодушным и случайным людям. Такое положение нетерпимо.

Очень мне понравилась статья В. Бокова. Прочитав ее, я живо вспомнил и статью, опубликованную М. Исаковским в «Литературной газете» и посвященную творчеству А. Маркова. По большому же такту статей, душевных, доказательных, умных. И еще я хочу сказать, наверное, о самом трудном и главном, — о качестве в поэзии. На жемчужные зерна истинной поэзии многократно приходится соломой и макими. Разве справедливо, что зерно и солома по одной цене ходят?

Сердечно желаю вам, дорогие товарищи поэты, больших успехов в вашей благороднейшей работе.

А. ЖИГАЛОВ, электромонтер

САРАТОВ

Именем Скрябина

Речь пойдет о революционном звуковом барьере. Но на этот раз не в авиации, а в музыке. Да, здесь тоже есть звуковые «потолки», и редкий композитор не пытался преодолеть эту преграду, найти способы проникнуть по ту сторону барьера, обогатить музыкальный палитру. Скрябин, например, искал выход из музыкальных рамок в огромных оркестровых составах, в разнообразных вариантах настройки инструментов. Наверное, все музыканты мечтали о сказочном инструменте, который мог бы не только заменить уже созданные человеком, но и расширить их звуковое многообразие.

И вот в доме № 11 по улице Вахангова в Москве, в семье, где находились друзья Александра Николаевича Скрябина, заучивал этот сказочный инструмент.

Тихо вращаются магнитофонные диски, комната наполняется удивительными звуками. Один напоминает орган, другие — струнные инструменты, третий — волею не с чем сравнить, ибо человек не слышал ничего подобного: не было еще таких звуков в природе.

Но где же сам инструмент? И она стоит на столе прибор с приподнятой крышечкой. В нем что-то от перла и металлообрабатывающего станка одновременно. Называется он так: фотоэлектрический синтезатор музыки.

Прибор начинен всевозможными фотоэлектрическими лампами, оптическими дисками, усиленными устройствами, специальными фотоэлектрическими приборами.

На стене синтезатора — большие белые инициалы: Евгений Александрович Мурзин, сын Николаевича Скрябина, посвящен 20-летний труд изобретателя.

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

На снимке: Е. А. Мурзин (справа) со своим товарищем Евгением Александровичем Мурзиным и радиотехником, автором синтезатора «АНС».

Евгений ВИНУКUROV

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель, он летит в мазурке! Маурика в жилках. Трещат дощечки паркетки. Солдаты дуют — молодцы! Кружат: сновники, поэты, Тираноборцы, мудрецы. Стихи — в альбомах женщины млялы! Трактаты — в дружеском письме! Как все легко! Маурика в жилках. В душе мазурка И в уме! Всего как-то полтораэта Нль дести продолжалось лег... О, мир танцующих дворянства, Тоби уже в позиции нет! Твоя водичка отстучала... Ты так был яростно спален, Что средь песков болот торчали Лышь камни эллипсиса колот! Не здесь ли тот писал колот! Что был лишь истинной влеко, В шельку желтого халата, Дымя ятарным чубуком, А ведь от вольтерлинских максим Не так уж долг путь к тому, Чтоб пулемет системы «Максим» С тачания полосул во тьму!..

Б А Л Ы
Балы! От шпор до штукатурки. От лостр до кока — все дрожит... Вон — Пестель

Летом минувшего года парижское издательство «Эдисон социаль» выпустило в свет книгу, куда вошли избранные статьи Фредерика Жолио-Кюри. Предисловие к ней написал известный английский ученый, президент-исполнитель Всемирного Совета Мира Джон Бернал. В сборнике представлены выступления Фредерика Жолио-Кюри в защиту мира и статьи по вопросам науки, рассуждения на широком читательском уровне. Во вступительном слове о редакторе говорится: «Дело жизни Фредерика Жолио-Кюри характеризуется не только необычайностью своего объема — десятки ученых и создателя, борца Сопротивления, коммуниста и главы всемирного движения в защиту мира, — но прежде всего своим глубоким единством, которое предстает перед нами сегодня как живой пример гуманизма XX века».

В своем предисловии к сборнику Джон Бернал особо останавливается на статье Фредерика Жолио-Кюри «Размышления о гуманизме науки», видя в ней своего рода духовное завещание великого ученого. «Он писал ее, — говорит Джон Бернал, — весь проникнутый горем, вызванным смертью своей дорогой жены Ирен, и в предчувствии своей смерти, которая вскоре последовала. Он отказывался от веры, слишком легкой, в постусторонний мир и находил свое утешение и силы в связях, которые объединяют поколения человеческого рода».

Статья Жолио-Кюри «Размышления о гуманизме науки» была напечатана впервые во французском журнале «Ле Неф» в январе 1957 года. Мы публикуем ее сегодня впервые в русском языке в несколько сокращенном переводе.

Мы находим у другого автора, более или менее отдаленного от нас во времени и сумевшего подчас лучше сформулировать эту идею. Подобные открытия приводят нас к большому благоумию и к большой скромности в то время, когда мы думаем о своей оригинальности. С другой стороны, эти открытия обладают и другими большими достоинствами: они приводят нас к солидарности с теми, кто живет или уже ушел из жизни; они внушают нам доверие к самим себе и укрепляют нашу волю к действию, в то же время показывая нам, какое расстояние лежит между мыслью и действием.

Сколько раз надо повторять одни и те же мысли, чтобы они дошли до сознания большого числа людей? Сколько раз одни и те же идеи, одни и те же разумные решения трудностей нашего существования находили свое выражение в прошлом и настоящем, не приводя к осязательным результатам?

Процесс обогащения живым человеком внешней среды, переход мысли в действие масс кажется изначальным медленным и мало производительным. Обратимся, однако, к оценке скорости рассматриваемого процесса. Последние заветы прежде всего от того масштаба времени, который мы выбираем. Чтобы оценить время, каждый индивид берет в своем воображении какую-то единицу, представляющую собой очень неточную среднюю величину, оставленную из отрезка времени, необходимого для завершения работ первостепенной важности, участником или наблюдателем которых он из начала до конца наблюдения является данный индивид. Под «первостепенной важности» я подразумеваю такие свершения, о которых сохраняют воспоминание на всю жизнь. Эта единица, как минимум несколько лет, — относительно малая часть средней продолжительности жизни человека. Теперь мы причислим к временным отрезкам подобного рода в связи с появлением планов, называемых пятилетними, десятилетними... и на это, как правило, останавливаются, потому что человек, несомненно, хочет видеть завершение своих усилий. Десять лет — уже значительная часть продолжительности человеческого существования.

Далеко не все еще способны взяться за дело, завершения которого нельзя будет увидеть и благами которого будут пользоваться только потомки.

Если мы теперь будем рассматривать изменения, касающиеся значительных человеческих коллективов, то для оценки времени мы возьмем другую единицу, порядка продолжительности жизни одного поколения, скажем, тридцать лет. Это, как я думаю, та единица измерения, которой нам надлежит придерживаться для оценки скорости интересующих нас процессов. Почему я не нахожу их такими медленными, как о них повсеместно думают, вы поймете тогда, когда вместе со мною подсчитаете, что только 200 поколений отделяют нас от предистории... 6 000 лет! 200 пращуров, существовавших до нас, — и огромный прогресс, достигнутый человечеством, покажется нам быстрым.

Великие исторические события показались бы нам менее отдаленными, если бы мы исчисляли их по цифрам поколений, отделяющих нас от этих событий, а не по цифрам сухих дат.

Это простое исчисление показывает крайнюю молодость мыслящего человечества и в некоторой степени может

Фредерик Жолио-Кюри
Рисунок Пабло ПИКАССО
Из альбома «Мир всему миру»

Взмах крыла

Фредерик ЖОЛИО-КЮРИ

Единство — это задача данная, — это задача, которую мы должны решить. При той степени зрелости, на которую мы можем уже претендовать, ничто не может оправдать благодушия, проявляемого к повторению ошибок молодости!

Несколько поколений назад редко случалось, чтобы ставили под сомнение тот факт, что проявление самых высоких качеств человеческого разума, то есть науки, есть наиболее плодотворный источник материальных и духовных ценностей. Конечно, распространение в народе научных знаний всегда наталкивалось на могучих противников в лице приверженцев мистических императивов и в лице тех, чьи выгоды и привилегии держались на боязливом невежестве людей, над которыми они властвовали. Вопреки первым трудностям и первым несправедливостям, доверие народа к науке все время возрастало.

История последних пятидесяти лет отмечает значительное изменение такого массового отношения к науке. Все чаще и чаще, начиная с конца XIX века, выражается беспокойство по поводу отдаления науки от народа. Это беспокойство, которое история и недавние события представляют в доказательство дурного использования науки, я принадлежит к тем, — и, к счастью, их еще много, — кто думает, что благодаря науке мы уже достигли очень высокого уровня материального освобождения — необходимого условия нашего духовного освобождения.

...Было бы безумием стремиться снова заново Прометей, в то время как нам необходимо направить науку на решение трудных проблем нашего существования.

Ученые, несущие на себе подобную ответственность, не могут оставаться пассивными. Многие из них справедливо полагают, что уклонения науки не являются неизбежными. Эти ученые не хотят быть соучастниками тех, кому плохая социальная организация общества позволяет эксплуатировать результаты их работ для эгоистических и зловерных целей. Духовное беспокойство охватило научный мир, и ежедневно мы можем видеть, как все больше и больше ученых проникается чувством социальной ответственности.

Ученые не могут образовывать небольшую группу избранных, далекую от других людей и от практических требований; как члены огромного коллектива тружеников, они должны заботиться о том, какое применение получат их открытия.

Освобождение атомной энергии и созданное благодаря ему ужасное оружие власти призывают ученых к действию, ибо ставка в подобной игре таит угрозу для будущего всего человечества.

Наука — основной элемент, объединяющий мысли людей, рассеянных по земному шару, и это — одно из высочайших ее назначений. На мой взгляд, нет такой человеческой деятельности, где согласие между людьми было бы настолько очевидно. Научное наблюдение выражается одинаковыми реакциями мысли, независимо от географической широты и долготы. И можно полагать, что так же дело обстоит и в других живых областях нашей Вселенной, если они существуют и если, независимо от того, насколько их форма может отличаться от нашей, они обладают способностью мыслить. В этом один из аспектов универсальности науки.

Виктор Гюго говорил: «...наука беспрерывно зачеркивает написанные ранее страницы. Плодотворные помарки... Наука — это лестница... Поэзия — взмах крыла. Художественный шедевр появляется раз и навсегда... Данте не уничтожает Гомера».

Художественный шедевр, несомненно, имеет более неподвижный характер, чем научное творение, но я убежден, что побуждения художника и ученого одинаковы, так же как и необходимые свойства мысли и действия. Научное творение на высочайших своих вершинах также представляет собой взмах крыла... Художник и ученый объединяются таким образом, чтобы создавать разнообразные формы Красоты и Счастья, без которых жизнь была бы унылым движением.

ПАРИЖ В ОЖИДАНИИ

Вокруг предстоящего совещания в верхах

В ПАРИЖЕ в мае этого года состоится совещание в верхах. Эта радостная весть была встречена во Франции с большим удовлетворением.

Конечно, может возникнуть множество осложнений: мы ведь знаем, что у «холодной войны» есть несправимые приверженцы. Они и не думают разоружаться. И, конечно, будут пытаться помешать встрече в верхах, спутать карты. Но это нелегкое дело. Международная напряженность ослабла. Мы почувствовали это особенно после поездки Н. С. Хрущева в США, вызвавшей во Франции чувства живой симпатии к советскому премьеру. И его предстоящий визит к нам привлекает всеобщее внимание.

Теперь, когда начал таять лед «холодной войны», народы вовсе не намерены стоять на берегу сложа руки. Нет, они хотят раздробить последние льдинки. Правительства западных держав вынуждены все больше и больше считаться с общественным мнением своих стран. Именно это помогло устранить последние возражения западных держав, которые препятствовали окончательному соглашению о встрече.

Совещание состоится не в Женеве, а в Париже. Нас, французов, это радует не только потому, что лютит национальному самолюбию, но и потому, что избрание нашей столицы приятной и для других делегаций — английской, советской, американской, — ведь во всем мире любят Париж! Важно то, что совещание на высшем уровне состоится в одной из стран — участниц совещания, а не в нейтральном государстве. А это говорит о том, что вслед за парижским совещанием состоятся другие, что они будут происходить последовательно в других столицах великих держав, в том числе, конечно, и в Москве. Это отличное новшество. Создается впечатление, что в принципе вопрос решен: четыре великие державы будут регулярно встречаться на самом высоком уровне. Н. С. Хрущев, как известно, неоднократно подчеркивал, что он придает большое значение личным контактам между главами правительств великих держав, несущих ответственность за сохранение мира. Он сам подал тому пример.

Первое совещание на высшем уровне состоялось в Женеве в июле 1955 года. Оно, вероятно, не могло дать конкретных, практических результатов в условиях того времени. И все-таки ему принадлежит большая заслуга: «дух Женевы» приостановил развитие дипломатического конфликта. По-моему, следует признать, что женевская встреча сумела отодвинуть непосредственную угрозу войны, позволила сохранить мир.

Прошло почти пять лет. Второе совещание глав правительств состоится в Париже в гораздо более благоприятной обстановке. Мы верим, что удасться наконец покончить с «холодной войной». Процесс «отепления» начался после исторической встречи Макмиллана—Хрущева, Хрущева — Эйзенхауэра и через несколько недель будет продолжен встречей Хрущева — де Голля...

Успехи Советского Союза во всех областях науки и техники, его приоритет в мировом покорении космоса придали новый аспект международным проблемам. Развеены в прах мечты тех, кто думал воевать при помощи «натяжки кнопки». СССР не грозит своими космическими ракетами, не нагоняет страха на другие народы. Напротив, Советский Союз предлагает поставить свои открытия на службу науке и проложить человеку путь на край Вселенной, чтобы покорить там неизвестные еще силы природы. Вот что способно привести в восторг народы, влюбленные в мир. И правительствам есть здесь над чем призадуматься.

Ситуация сложилась действительно новая для капиталистического мира. Нельзя все еще думать о войне с СССР, а это значит: надо смириться, жить бою к бою и согласиться сосуществовать. Мирное сосуществование означает отказ от оружия как средства утверждения своей точки зрения, навязывания своей идеологии.

Ничто не мешает четырем великим державам прийти к соглашению о формах сосуществования, приемлемых и для капиталистических, и для социалистических стран, чтобы гарантировать тем самым всем народам прочный мир. Конечно, неразумно было бы ожидать от второго совещания на высшем уровне, что оно решит сразу же все международные проблемы. Для того чтобы достигнуть полного согласия, потребуется много других совещаний на высшем уровне. Теперь этот путь открыт для всех государственных деятелей.

Франция может сыграть на этом совещании немаловажную роль. Будет ли это так? Во всяком случае, у обозревателей сложилось впечатление, что президент де Голль готовит широкое поле для переговоров и хочет использовать для обсуждения важных вопросов встречи с президентом Хрущевым в марте и с президентом Эйзенхауэром в апреле нынешнего года.

Пока можно сказать, что началось фаза активной подготовки совещания на высшем уровне. Ведутся предварительные переговоры, которые могут оказаться полезными. В этом — доброе предзнаменование.

Итак, весь мир скоро обратит свои взоры к Парижу, городу света, откуда весной 1960 года должен повеять теплый ветер надежды...

ПАРИЖ, 11 января. (По телеграфу)

ПОЕЗД ИДЕТ НА ЮГ...

Позавчера на юг. Позавчера на перроне нового Пекинского вокзала термометр показывал десять градусов мороза. А сегодня все окна вагонов открыты, теплый ветер приносит в купе запахи согретой, влажной земли.

Декабрьское солнце поднимается над зелеными полями и банановыми плантациями провинции Гуандун.

Проводник любезно вручил каждому пассажиру маленькую, щедро иллюстрированную книжечку. Коротая время в пути, можно прочитать рассказ о легендарных героях, о том, как сражались за свободу северодонской бойцы Великого похода.

Весеннее, чистое небо отражается в тихой воде каналов. Ровные, вытравленные, как по линейке, тропинки между орошаемыми полями. Густая поросль молодой сои, драхмы, гаоляна, сахарного тростника. Тонкие стволы недавно посаженных деревьев подступают к самой насыпи, бегут рядом с рельсами на протяжении многих километров.

Желтое, еще не наполненное водой русло нового канала. На откосе пылают красные флажки. Валетают кверху комья земли — канал удлинится, люди ведут его все дальше, чтобы напоить еще тысячи и тысячи му по плодородной почве. Бегут крупные иероглифы на пригорках. Земля, ожидающая своего полюдного хозяина, обрабатывается с призывом отдать силы и таланты борьбе за высокий урожай.

Почти все пассажиры нашего вагона — молодежь, нет ни одного старше двадцати пяти лет. Едут на работу. У каждого — небольшой узел, аккуратно перетнутый веревкой. Сегодня утром они сняли с себя ватные синие куртки, облучившись в майки всех цветов радуги. Похоже — отправлялся куда-то на состязания спортивная команда. Когда за окнами возникли ржавые склоны южного хребта и весенние поля Гуандуна, молодые люди заметно оживились. Они то и дело останавливают проводника, о чем-то его спрашивают.

Переводчик охотно выполняет мою просьбу, обращается к одному из них и, улыбаясь, говорит:

— Нет, вы ошиблись, — это не спортсмены. Это трактористы. Пожалуйста, позвольте мне — это бригадир, товарищ Цю Ю-ань.

Бригадир развеселился, узнав о моей ошибке. Смеются и его спутники. Впрочем, они тоже занимаются спортом, самым популярным в Китае — баскетболом. А вот эти двое — видите, какие рослые, — мечтают даже попасть в сборную команду провинции Шаньси. Да, да, мы все тридцать пять из этой провинции. Куда едем? Далеко, на остров Хайнань. Поднимать целину. Там ждут трактористов...

В тропиках, на благословенной земле острова Хайнань, они будут корчевать лес, прокладывать террасы на склонах холмов, расчищать поля для новых посевов, рыть каналы и водоемы.

Бригадир Цю Ю-ань никогда не был на Хайнане, но кое-что узнал уже про этот остров.

— Там можно круглый год выращивать все, что хочешь... Только нужно хорошо возделывать землю. Теперь у нас есть тракторы. О трактор — это большая сила! Молодой человек с гордостью заговорил о своей профессии. Он работает трактористом полтора года. За это время сделал на земле столько, сколько мог бы сделать, наверное, две или даже три тысячи человек...

Кто-то недоверчиво усмехнулся:

— Ну, так уж и три тысячи...

Бригадир оборвал его:

— Много ты понимаешь! Вот, смотри... Они подошли к окну. Недалеко от железной дороги, на склонах холмов множество крестьян, вооруженных лопатами и кирками, прокладывая русло для оросительного канала.

— Сколько тут? Есть тысяча? Ну, говори, могла бы наша бригада за день сделать столько же, сколько они будут копать целую неделю?

Рослый тракторист, тот, что выразил недоверие, не успел ответить — поезд вырнулся в тоннель, а когда солнце снова встало за окном, мы уже не увидели людей, прокладывающих вручную новый канал. Как знать, — может, бригадир Цю Ю-ань не совсем точно определил мощность своей машины и чуть преувеличил ее возможности. Но можно было простить это человеку, недавно овладевшему техникой, молодому трактористу, который едет поднимать целину на острове Хайнань.

ПОСАЕ спектакля Шаосинской музыкальной драмы мы познакомились в Ханчжоу с Гай Цзяо-тянем — замечательным артистом, одним из известнейших исполнителей ролей У Суна, убивающего

тигра. Старый артист, ему уже за сорок, сегодня не участвовал в спектакле. Он пришел посмотреть свою юную воспитанницу, четырнадцатилетнюю артистку, выступавшую в роли Белой змеи. На сцене, за опущенным занавесом, окруженный загроможденными актерами и восходящими из игры гостями из Советской страны, Гай Цзяо-тянь заговорил о том, как расцвел теперь, после Освобождения, древнее, любимое народом искусство классической китайской музыкальной драмы. Он похвалил труппу, приехавшую на гастроли в Ханчжоу. Каждый день все места в зрительном зале заняты. Это очень радует артиста...

Кто-то спросил, снимался ли в кино Гай Цзяо-тянь.

Старый артист покачал головой.

— Нет, это невозможно. Разве вы сами не замечали, что это невозможно? Мы этого не замечали и честно признались, что не догадываемся, о чем идет речь.

— В таком случае позвольте пригласить вас ко мне домой, — сказала Гай Цзяо-тянь. На следующий день мы побывали в гостях у прославленного У Суна.

После обязательного чаепития нам пообещали заглянуть в творческую лабораторию выдающегося артиста. Он отпустил на два-три шага в глубину небольшой комнаты, взял копьё — и произошло чудо перевоплощения. Не было уже старика в длинном сером халате с морщинистым лицом, выцветшими, хотя и очень живыми глазами. Перед нами возник воин, готовый мгновенно поразить врага. Честность и пластичность каждого движения, молниеносные повороты, загоревшиеся гневом и отвагой глаза — все в нем сейчас было юным, полным сил, подлинными железной воле. Вещно завертелось в руке копьё. Сейчас У Суна поразит тигра... Артист шагнул к нам, и снова тот же старый человек спрашивает:

— Разве неподвижный кинескопик уловит все оттенки чувств, переживаний, которые я обращаю сразу, одновременно к многим объектам, к тысячам зрителей? Смена этих оттенков так стремительна, что ее не уловит кинокамера. Это искусство рассчитано на непосредственный контакт с зрителем...

Не берите судить, прав ли замечательный артист и действительно ли неуловимо для кинокамеры его превосходное искусство. Но можно уверенно сказать, что веками складывавшиеся приемы выразительной передачи чувств, мысли, переживания, отточенная техника перевоплощения, красочная мимика и тренировка, позволяющая мастерски управлять каждым движением, — все это наследие классического театра, несомненно, будет очень полезно и современному китайскому театру.

Те же артисты, что исполняют роли в классической музыкальной драме — «Зять императора», сыграли небольшую пьесу на современную тему. Сюжет ее незамысловат: два деревенских кооператива приглашают на работу плотника. Он не знает, какому из них отдать предпочтение. Под конец, к общему удовольствию, выясняется, что плотник-то не один, что это — два человека, похожие друг на друга, как близнецы. И они благополучно водворяются на свои места.

Эта современная пьеса идет в сопровождении того же традиционного оркестра классического театра, в той же тональности звучат инструменты, поясняя или предвосхищая события. Артисты пользуются теми же выразительными, условными приемами передачи своих чувств, какие в тот же вечер, через полчаса, они применяют в спектакле из классического репертуара. И оказывается, что стародавнее, древнее искусство отлично славится с современностью, входит в спектакль на тему дня, придает ему красочность, подлинную театральность. Зрители рады этому сочетанию старой древности с сегодняшним днем. Спектакль часто прерывается аплодисментами.

ПОЕЗД идет все дальше на юг. За окном декабрьский пейзаж — зеленые приоткрытые орошенных полей, хризантемы всех мыслимых оттенков, тонкие стволы платанов, только что посаженных вдоль дороги; чудесная пора прорастания семян, появления всходов — предвестников доброго урожая...

ПЕКИН—ГУАНЧЖОУ

Человек науки подобен рабочему или художнику, некогда воздвигавшим соборы. Они принимали участие в деле, которое иногда требовало труда нескольких поколений, но не уменьшалось их пыл, не охлаждало их любви к делу, завершение которого они не могли увидеть.

Какие великолепные сооружения, какие произведения искусства могли бы нам дать современная техника, если бы мы согласились трудиться не только для своей пользы, но и для пользы грядущих поколений!

Перед теми, кто ей служит, наука открывает грандиозные перспективы: это такое дело, которому ученый ежедневно отдает свои силы, не имея суетного желания самому увидеть его окончание.

Блага, которые человечество постоянно извлекает из коллективного усилия, из познаний, накопленных в течение веков, из усилия каждого человеческого существа за время его короткого существования, — все это влечет в нас веру в прогресс человека.

Понимая то, что, проходя по этой земле, каждый из нас обязательно окажет большое или малое влияние на грядущие поколения, привело меня еще в юности к более ясному взгляду на свое положение перед лицом смерти. Ни один человек инстинктивно не может принять мысли о небытии, которое последует после смерти. Идея небытия настолько невыносима, что люди хотели спастись от нее, прибегнув к помощи веры в загробную жизнь, в другом мире, управляемом одним или многими богами.

Рационалист по природе, я еще в ранней молодости отказался от этой хрупкой веры, не имеющей основания.

Я был свидетелем ужасного разочарования тех, кто неосознанно терзал веру. Но, черт возьми! — говорил я, — к чему воображать, что есть загробная жизнь в другом мире? Моё отношение к смерти очень рано свелось к чисто человеческой, земной проблеме. Разве бессмертие не заключено в той живой и осязаемой цепи, связующей нас с делами, которые творились, и существами, которые жили на этой земле?

Если вы разрешите, я расскажу вам об одном моем переживании. Будучи подростком, я сидел однажды вечером за своим уроком. Во время работы моя рука прикасалась к бронзовому подсвечнику — очень старой семейной реликвии. Неожиданно я бросил писать, почувствовал вдруг сильное волнение. Перед моими закрытыми глазами стали возникать сны, несомненно свидетелем которых был этот старинный подсвечник: с ним спускались в погреб, чтобы достать вино для веселой годовщины, он печально бодрствовал у гроба... Мне казалось, что я чувствую прикосновение рук, которые в течение веков брались за этот подсвечник, передо мной вырисовывались человеческие лица. Я почувствовал большую прилив сил, вызванную в своем воображении этих ушедших людей, тесную связь с которыми я только что ощутил. Чистое воображение, конечно, но подсвечник заставил меня вспомнить об исчезнувших незнакомях, которых я видел ожившими, и страх перед небытием был окончательно изгнан из моего сознания.

Всякое существо, проходящее по нашей земле, оставляет на ней неизгладимый след, на перилах, стертых прикосновением руки, или на камне лестничной ступени. Я люблю дерево, отполированное прикосновением рук, люблю ступени, стертые человеческими шагами, я люблю мой старый бронзовый подсвечник. Они несут в себе вечность.

В заключение я хотел бы сказать, что верю в науку и в человека. Несмотря на серьезные ошибки, которые он совершает еще слишком часто, я убежден, как и Пьер Кюри, что всякое новое завоевание науки принесет в конечном итоге больше добра, чем зла.

Ученые, может быть, более способны с уверенностью представить себе ту огромную радость жизни, которую наука принесет всем человеческим существам в мире справедливости и мира. Да, каждое мгновение они будут приносить «счастливые вести» своим братьям — вести, которые навсегда изгонят ужасное наваждение великих бедствий, наваждение болезней, убивающих каждый день в расцвете их сил мужчин, женщин и детей, — вести, которые сведут к ничтожной величине то время, которое требуется для обеспечения жизни всем необходимым, вести, которые, освободив каждого от материальных тягот, позволят ему отдаваться высшей радости — открывать и творить.

ВСЕ НИТИ ТЯНУТСЯ В БОНН

Вот уже несколько дней информационные агенты всех стран передают сообщения о невероятных, немислимых вещах. «Неизвестные лица» под боком у полиции рисуют на стенах домыслы, не оправданные ни одним фактом. Нефашисты смирятся, но фашисты лозунги. Телеграммы под заголовками: «Возрождение фашистского чудовища», «Нефашисты смирятся, но фашисты смирятся», «идут из Кельна и Берлина, Парина и Гонюнга, Лондона и Буэнос-Айреса, Нью-Йорка и Осло... Создается впечатление, будто вернулось вспять и паутинная свистки вновь хочет опутать мир».

Что же произошло на рубеже двух десятилетий? Взгляните на снимок, читатель. Вот в этих самых стенах, в сингапоре Кельна, совсем недавно канцлер Аденауэр с парфосом провозгласил, что «Федеративная республика — оплот правопорядка», что в ФРГ нет места ни нацизму, ни антисемитизму. А вскоре — как иллюстрация — на тех же стенах появилось паучье свистки. Отсюда она переползла на памятник жертвам гестапо, а затем, неминуемо быстро размножаясь, распространилась на территории Германии и других стран. И слепо, мы было видно, что эти нацистские вылазки начались по команде, направленной из единого центра. Больше того, они и проводились по одному шаблону.

Когда же возмущенная общественность потребовала ответа от Бонна, министр внутренних дел ФРГ Штраус нагло заявил, что нацистская кампания возглавляется коммунистами на Востоке! Здесь тот же старый расчёт: может быть, в эту чудовищную нелепую ложь кто-либо все же поверит.

Этот достойный Геббельса вымысел был подхвачен, как по команде, некоторыми западными органами печати. А м.р. Ф. Ультер, председатель комиссии США по расследованию антиамериканской деятельности, неоднократно получал благодарности от Геббельса. На сей раз он получил указания не от Геббельса, но от Штрауса. Эти указания были переданы полномочным представителем Штрауса в Мадрид Ф. Загнером. «Опять Тауберт получил приказание. Его директива была короткой и выразительной: «Подмечь атмосферу!».

В. К.

Вот уже несколько дней информационные агенты всех стран передают сообщения о невероятных, немислимых вещах. «Неизвестные лица» под боком у полиции рисуют на стенах домыслы, не оправданные ни одним фактом. Нефашисты смирятся, но фашисты лозунги. Телеграммы под заголовками: «Возрождение фашистского чудовища», «Нефашисты смирятся, но фашисты смирятся», «идут из Кельна и Берлина, Парина и Гонюнга, Лондона и Буэнос-Айреса, Нью-Йорка и Осло... Создается впечатление, будто вернулось вспять и паутинная свистки вновь хочет опутать мир».

Что же произошло на рубеже двух десятилетий? Взгляните на снимок, читатель. Вот в этих самых стенах, в сингапоре Кельна, совсем недавно канцлер Аденауэр с парфосом провозгласил, что «Федеративная республика — оплот правопорядка», что в ФРГ нет места ни нацизму, ни антисемитизму. А вскоре — как иллюстрация — на тех же стенах появилось паучье свистки. Отсюда она переползла на памятник жертвам гестапо, а затем, неминуемо быстро размножаясь, распространилась на территории Германии и других стран. И слепо, мы было видно, что эти нацистские вылазки начались по команде, направленной из единого центра. Больше того, они и проводились по одному шаблону.

Когда же возмущенная общественность потребовала ответа от Бонна, министр внутренних дел ФРГ Штраус нагло заявил, что нацистская кампания возглавляется коммунистами на Востоке! Здесь тот же старый расчёт: может быть, в эту чудовищную нелепую ложь кто-либо все же поверит.

Этот достойный Геббельса вымысел был подхвачен, как по команде, некоторыми западными органами печати. А м.р. Ф. Ультер, председатель комиссии США по расследованию антиамериканской деятельности, неоднократно получал благодарности от Геббельса. На сей раз он получил указания не от Геббельса, но от Штрауса. Эти указания были переданы полномочным представителем Штрауса в Мадрид Ф. Загнером. «Опять Тауберт получил приказание. Его директива была короткой и выразительной: «Подмечь атмосферу!».

В. К.